

розглядалась таким теоретиком, як Бін Кімура, особливо коли він розглядав феноменологічне зближення щодо бачень особливостей цього у шизофренічному досвіді [6, р. 126]. Дослідник аналізує поняття «редукції», трансцендентальні норми редукції саме як моменту реального переживання. Не випадково, що саме тому і постає перед автором питання – яка частина досвіду людського передбачає здатність утримувати «вже пережиті смисли» в одночасовості з самим моментом переживання дійсного?

Певна необхідність дослідити особливості редукції постає як сама можливість означити той простір «отвердіння» людського досвіду. Але свого часу Е. Гуссерль звертався до проблем того, як досвід у цілому знаходить себе в просторі минулого, й саме питанням, як минуле постає чимось таким, що матиме визначати і відкритий горизонт майбутнього. Безсумнівно, варті уваги певні уточнення щодо позицій Е. Гуссерля, зокрема, щодо понять спогаду, очікування, сподівання. Говорячи про контекст майбутнього, контекст редукційного в досвіді, звернемо увагу на таке поняття, як екран. Для феноменологічного досвіду поняття екрана виявляє себе можливістю репрезентувати цю форму світу, що нібито перед нами, але водночас говорить про виключну непередбачуваність власне вже сприйнятого.

Вдаємось саме до цієї проблематики в науковому просторі, які б ідентифікували себе не тільки виключно зі знанням феноменологічним. Саме це стане предметом розгляду для Р. Лафорга, який говорить про психотичне відштовхування від реального у свідомості як таке. Р. Лафорг 1922 р. працює над темою «Почуттєвість у шизофреніях з точки зору психоаналізу». Дослідник запропонував власну концепцію поняття «scotomisation», як самодостатньої реальності, це дозволило вказувати, шляхом безсвідомого вилучення самого об'єкта з поля свідомого можливе «психотичне відштовхування» від реального досвіду. Далі Р. Лафорг виходить на поняття «déné» (відмова від неприйняття дійсності) або «désaveu» (як можливого невизнання реального). Але ж чи не виникатиме переді мною, в даному контексті, рівень дослідження можливих різновидів редукційного в реальному людському досвіді, які виявлятимуть себе в цих проблемах когнітивного простору.

На мою думку, то саме визначення проблеми стосовно поняття «scotomisation», як моменту безсвідомого вилучення предмета чи то феноменологічного об'єкта з поля свідомості, дозволить наблизитись до феноменологічного аналізу почуттєвого саме в своїй можливості цілісного бачення акту сприйняття. Принаймні, саме дослідження у феноменологічній психіатрії дозволятимуть поняття редукції аналізувати стосовно структури акту сприйняття цілого в його єдності, вдаючись саме до цієї проблематики у теоретичному просторі.

Підсумовуючи, зазначу, що проблеми, які постають у межах філософської антропології та феноменологічної традиції ХХ – поч. ХХІ ст., досліджують найбільш різноманітні питання, незмінно звертаючись до інших культур, дисциплін та дослідницьких шкіл, до всього того іншого, що можна знайти у суспільстві, – культури, науки і, звісно, до самої людини, що сприяє культурно-цивілізаційному діалогу.

Бібліографічні посилання:

1. **Lanteri-Laura G.** La psychiatrie phénoménologique. Fondaments philosophiques. Paris. PUF. 1963
2. **Lanteri-Laura, G.** Psychanalyse et phénoménologie. A propos de...Ancolies, approches psychanalytiques, phénoménologique et esthétiques des mélancolies// *Levolution psychiatrique*. 2001. Vol 66. №4
3. **Шюц А.** Структури життєвіту//Альфред Шюц, Томас Лукман; [пер. з нім. і післямова Вахтанга Кебуладзе]. – К.:Укр.центр духов. культури, 2004. – 560 с.
4. **Janet P.** La psychologie de la croyance et le mysticisme (premier article). 1936. p.507 .
5. Преступление Гэбриэла Гейла [перевод Н. Трауберг]. Соч в. 3 т. – Москва. Художественная литература. 1990. – Т.3. – с.282
6. **Пруст М.** В поисках потерянного времени [Пер. с фр. Н.М. Любимова]. – М: Республика.1992-1998
7. **Kimura Bin.** L'entre. Une approche phénoménologique de la schizophrénie, Grenoble, 2000, 126.

УДК 140,8

О. А. Долженко

АСПЕКТЫ МЕНТАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Приведены понятия менталитета и ментальности; проанализированы философские, культурологические, социологические аспекты проблемы менталитета; показаны возможности применения понятия в различных научных направлениях; выделен философско-антропологический подход.

Ключевые слова: ментальность, менталитет, культура, социум, общность, философско-антропологический подход.

Наведені поняття менталітету та ментальності, проаналізовані філософські, культурологічні, соціологічні аспекти проблеми менталітету; показані можливості використання поняття в різноманітних наукових напрямках; виділений філософсько-антропологічний підхід.

Ключові слова: ментальність, менталітет, культура, соціум, спільність, філософсько-антропологічний підхід.

This document focuses on the definition of mentality and the analysis of psychological, cultural, social aspects of mentality problems; the possibilities of the usage of different definitions in various dimensions and the psychologically-anthropological approach

Key words: mentality, culture, society, community, psychologically-anthropological approach.

В XX ст. понятие ментальности активно вошло в научный оборот в философии, социальной психологии, социоистории, этнологии, исторической антропологии, культурологии. Применительно к философской антропологии речь также может идти о целесообразности оперирования понятием ментальность. Хотя в широком научном контексте ему, видимо, еще предстоит войти в категориальную сетку науки, по крайней мере, отечественной (украинской). Поэтому более детальное выяснение содержания рассматриваемого понятия представляет закономерный научный интерес.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать некоторые возможности использования понятий «менталитет» и «ментальность» в указанных предметных областях гуманитарной науки. Следует также отметить, что мы не считаем целесообразным содержательно противопоставлять слова «менталитет» и «ментальность», считая их, по существу, синонимами. Отсюда постаёт задача необходимости прояснения содержания понятия «ментальность».

Образцами раскрытия ментальности различных эпох и социальных слоев служат работы историков нового поколения школы «Анналов» Ж. Ле Гоффа, Р. Мандру, Ж. Дюби и др., а также исследования историков культуры, науки, искусства Й. Хейзинга, Ж.-П. Вернан, П. Франкастель, Э. Панофски и др. Общим оценкам ментальности представителей различных эпох посвящены работы М.М. Бахтина, Л.М. Боткина, А.Я. Гуревича, П.С. Гуревича, В.Е. Семенова и др. Описание характера ментальности конкретной исторической общности встречается в трудах Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Г.П. Федотова, И.Е. Забелина, С.В. Максимова, И.П. Сахарова и др. Проблемы ментальности рассматривались культурологами – Г. Д. Гачевым, М. Рожанским, психологами – В. А. Шкуратовым и И. Г. Дубовым и др.

Принято считать, что ментальность (от лат. mens, mentis – ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) – это совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности.

В современном понимании в понятие «менталитет» включаются элементы мировоззренческого характера, отражающие осознанное отношение человека или групп людей разной степени общности к природным и общественным явлениям [1, с.112].

Существует точка зрения на то, что ментальность выражает не столько индивидуальные установки каждого из людей, сколько внеличностную сторону общественного сознания, будучи имплицитированной в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях. Некоторые исследователи полагают, что ментальность характеризует синтез сознания и коллективного бессознательного, обобщенный способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать, определяя ментальность как нечто коллективное и бессознательное.

Категория «менталитет» чаще всего трактуется как психологическая, где в основу дефиниций положены глубинные психологические установки и ценности индивидов и социальных общностей, их стойкие психологические предпочтения и реакции. Поэтому ментальность определяет мотивы и модели поведения, возникающие в процессе жизнедеятельности человека и детерминирующие ее.

На основе анализа определений менталитета, содержащихся в работах как российских, так и зарубежных ученых, психолог И.Г. Дубов приводит следующие дефиниции:

- менталитет – это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него [5, с.21];

- менталитет понимают как совокупность представлений, воззрений, чувствований общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы [5, с.21];

- менталитет, будучи явлением умственного порядка, вовсе не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь специфику этого сознания относительно общественного сознания других групп людей, причем, как правило, речь идет о таких больших группах, как этнос, нация, или, по крайней мере, социальный слой [5, с. 22].

Менталитет описывает именно специфику отражения внешнего мира, интегральной характеристики психологических особенностей людей, характерное для представителей конкретной общности, принадлежащих к изучаемой культуре. Рассматривая специфические для данной культуры способы восприятия и особенности образа мыслей, систему основных существующих представлений, верований, ценностей, умонастроений, мыслительные привычки и установки, оценку окружающей действительности, навыки восприятия и эмоциональной жизни, выражающиеся в специфических для данной общности формах поведения и видах деятельности, менталитет определяет видение мира и его восприятие, образ мысли и нормы поведения, в которых сочетаются сознательные и бессознательные моменты, задает отношение к жизни.

Проблему ментальности не обошла своим вниманием также историческая психология. Так, В. А. Шкуратов считает, что ментальность – понятие, альтернативное понятию психики как обобщению лабораторно-эмпирических действий с человеком. В нем сопряжены социолого-культурологический анализ и психологизирующая интерпретация, что позволяет его использовать в диапазоне от специальных исторических тем до общегуманитарных рассуждений [6, с. 109].

Важное для философов и психологов понятие «тотальный человек» невозможно расшифровать без теории ментальности. По мнению психолога, «тотальный человек» – это человек в глубинном существовании, понимаемом посредством дешифровки символов, которыми выражается коллективная жизнь не только в языке, но также в обычаях и социальных институтах [6, с. 114].

В. А. Шкуратов, соглашаясь с А. Я. Гуревичем, определяет ментальность как видение мира. «Генерализованные черты мировидения погружены в еще более аморфную массу эмоций и образов, которая называется ментальностью», – считает ученый [5, с. 58]. Он также, следуя за Ж. Дюби, считает ментальность системой образов и представлений, которые сочетаются между собой по-разному. И они же лежат в основе человеческих представлений о мире и своем месте в мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей.

По В.А. Шкуратову, в отличие от понятия психики, которое применимо и к животным, понятие ментальности применимо только к человеку, так же как психика индивидуализирована и образует структуру, а ментальность – нет. Психика описывается в субординированных, более или менее однозначных понятиях, ментальность – в синонимах со смысловыми различиями, но плохо дифференцированных по значению [5, с. 59, 60].

Считая, что исторические реальности даны в своем культурном выражении, учёный предпочитает писать о ментальности знаково-символических систем, не выделяя проблемы ментальности и взаимодействия общественных групп.

Психологическая интерпретация не может считаться достаточной, так как не представляет единства истории и психологии. Этот процесс невозможно эмпирически описать, его можно реконструировать только ретроспективным анализом более поздних явлений культуры – раскручивая их вспять, восходя к утраченным начальным звеньям, принимая как методологическую посылку представления, что развитие культуры не продолжает, а отрицает и всячески преобразует то, что оставлено за порогом истории.

С точки зрения социальной истории существенное значение для конституирования понятия «ментальность» имеют труды французской исторической школы «Анналов». Основателями этого направления (Люсьен Февр, Марк Блок и другие) была сделана попытка преодолеть цеховую обособленность исторической науки от социологии, психологии, географии, истории ментальностей и т. д. Результатом стала определенная переориентация исторической науки на науку о человеке в разные эпохи его бытия, исследователи отдали «предпочтение проблемам перед эмпирическим описанием фактов». От поверхности явлений к неизведанным глубинам коллективного бессознательного, не совсем сформулированных и не вполне осознаваемых манер мыслить, подчас лишенных логики умственных образов, которые присущи данной эпохе или определенной группе. Ментальности – способы ориентации в социальном и природном

мире, которые представляют собой своего рода автоматизмы мысли.

Считается, что ценным в работах основателей школы «Анналов» является обоснование возможностей человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах и ракурсах, которые даны ему культурой и эпохой, разработка вопросов о том мыслительном инструментарии, который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и общества и исторически обусловлен, унаследован от предшествующего времени.

М. Блоком и Л. Февром в 1929 г. понятие «ментальность» применено к истории европейского средневековья и Ренессанса, до них употреблявшееся этнологами лишь в отношении первобытных народов, а также понятие «умственное оснащение» или «духовная вооруженность» (*ouillage mental*), при помощи которого можно исследовать особенности сознания человека в ту или иную эпоху. В этой связи представители школы «Анналов» собственно и утвердили понятие «*mentalite*» в научной лексике, где говорят не о ментальности как общей характеристике индивидов, принадлежащих к одной культуре, а о ментальностях, имея в виду несводимость менталитетов различных слоев населения в единое целое.

Идея ментальности в работах французских историков вытекает из исследования противостоящих культур: «ученой» и «фольклорной». Рассматривая проблемы массового сознания и народной культуры, в научный оборот введены факты, характеризующие особенности духовной жизни простых людей, уровень их образованности, язык, знание окружающей природы, многообразные направления социальной активности.

При этом понятие «народная культура» трактуется как система разделяемых абсолютным большинством общества понятий, представлений, ценностей, верований, символов, ритуалов, имеющих в то же время множество региональных вариантов и различий в соответствии с социальным статусом, профессиональным занятием, общим образовательным уровнем ее носителей.

Современные представители Школы говорят об антропологическом подходе к изучению истории. То направление исторического исследования, которое развивает Ле Гофф, он именуется «исторической антропологией», или «антропологически ориентированной историей».

Важнейший постулат исторической антропологии – изучение человека во всем многообразии его проявлений. Отсюда и потребность в тотальной истории в качестве противовеса и компенсации расчленения исторического объекта и возникновения множества специализированных отраслей исследования.

Казалось бы, историческая антропология идеально соответствует изучению культуры, понимаемой в самом широком контексте как смыслополагание человека. Однако, декларируя тотальность истории, новые историки остались совершенно индифферентными к тому, что не вписано в бессознательный пласт народной жизни, но относится к опыту прямых высказываний индивида. Недостаточно использовать лишь социологические методы изучения ментальных характеристик индивидов и человеческих сообществ, так как социологические срезы – это констатация уже сложившегося менталитета, но они не дают возможности определить вероятностные закономерности его становления.

С точки зрения исторической науки, отвергающей парадигму сугубо фактологического описания исторических событий и выдвигающей на передний план историю развития индивидуальной и общественной ментальностей, наиболее полное представление о содержании понятия «менталитет» приводит А.Я. Гуревич. Не являясь сторонником Л. Февра, утверждающего, что можно историю ментальностей представить как историю эмоций, подхватывает методологию, обоснованную Февром, и опирается на гуманитарно-текстологическую интерпретацию и социальный анализ коллективных структур [6, с. 110].

Для А.Я. Гуревича нет никакой обособленной истории ментальностей, и поэтому ментальные элементы жизни необходимо рассматривать в более широком, глобальном контексте социальной истории.

Ментальность – не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания... [3, с. 59].

А.Я. Гуревич применил новый культурологический подход к определению понятия «ментальность», где исследователь решает одновременно несколько задач: определение термина «ментальность», отличие ментальности от идеологии и теории ценностей, от психологии, сочетание учебного и научно-познавательного начал. В центре внимания исследователя ментальностей – образ мира, который заложен культурой в сознание людей данного общества и преобразуется ими спонтанно, по большей части вне контроля их «дневного сознания».

А.Я. Гуревич более близок к социогенной теории происхождения сознания и ментальности, предпочтительнее всего ее перевод как «видение мира». Ментальность формируется внутри

культуры, традиций, языка, образа жизни и религиозности. Описывая компоненты, структуру и функции ментальности, показывая гибкость данного понятия, философ предлагает свою систему взглядов на ментальность.

В связи с обращением многочисленных исследований социальных историков к ментальным представлениям, ценностям, обычаям, моделям поведения, то есть к антропологически сориентированной, социально-культурной истории, или исторической антропологии, достижением является разработка методов реконструкции стереотипов сознания, глубинных оснований человеческого поведения, заложенных в культурных традициях и находящихся отражение как в письменных источниках, так и в предметах материальной культуры, произведениях искусства и т. п. [4, с. 61].

Без методологии, выработанной школой «Анналов», невозможно понять и применить на практике теорию и методологию ментальности, но и она не дает целостной характеристики многоаспектному понятию «менталитет». Для полного исследования сущности этого понятия предлагается выход в соединении достижений школы «Анналов» с конкретно-историческими измерениями философской антропологии.

Представляется, что историческая антропология, обращающаяся лишь к констатации ментальных характеристик общества, не может сама по себе обеспечить целостное рассмотрение исторической действительности, что для реализации прогностической функции науки необходимо выявить, чем определялось содержание и изменение представлений, ценностей и, в конечном счете, поведение людей (внести историчность в изучение самой ментальности).

Антропологический подход изучения ментальностей предполагает исследования социально-культурных представлениях людей другого времени, сосредоточивая свое внимание на константах, основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением.

В рамках избранного антропологического подхода изучения ментальности предполагается исследование социально-культурных представлений людей определённого времени, сосредоточенное на константах, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением. (ПОВТОРЕНИЕ) В центре анализа находится не конструкт ментальности в себе, а взятый исторически конкретный человек со всеми его особенностями, обусловленными временем, к которому он принадлежит. Одни и те же люди принимают участие в социальных отношениях и творят культуру или воспринимают ее. Общество и культура – две составляющих человеческой коммуникации, отражённые в ментальности, сформировавшие её. Культура, понимаемая как обнаружение социальной сущности человека, способ освоения действительности и видения мира, посредством ментальных механизмов формирует условия и предпосылки ценностных предпочтений индивидуального сознания и воздействует на его общественное поведение.

Ментальность – есть состояние менталитета применительно к конкретной социальной общности, находящейся в конкретном цикле исторического развития. Поэтому можно говорить, например, о ментальности украинцев в историческом цикле неизменного, но нельзя говорить о ментальности украинцев в целом. Ментальность позволяет удержать социальную идентичность в условиях развития социума.

Замеченная недостаточность культурологических и исторических исследований ментальности предполагает соединение эмпирического знания социумов, данных в особенностях ментальностей, с исследованием ментальности больших социальных групп на основе уже зафиксированного материала, с одной стороны, и данных теории ментальности и идентичности в культурологии и философии культуры и антропологии, объединение философско-антропологического подхода к сознанию с конкретно-историческим изучением культуры, ментальности различных социумов.

При изучении менталитета обнаружилось следующее: в отличие от психики как процесса, ментальность берется как содержание (образ, представление, понятие). Ментальность описывает человеческую активность только в контексте определенного исторического материала (при отбрасывании этого материала термин превращается в обыденное словоупотребление или становится еще одним обозначением психики, сознания, деятельности). Менталитет как процесс также должен характеризоваться состояниями, отражающими результат этого процесса в конкретно исторических условиях, – ментальностью.

То есть под ментальностью следует понимать исторически сформированное индивидуальное и общественное сознание, специфический характер которого определяется типом эпохи, культурными особенностями, социальной принадлежностью, этнонациональными и другими особенностями носителей ментальности. Ей присущи черты природного и культурного, эмоционального и рассудочного, иррационального и рационального, индивидуального и

общественного.

В настоящее время еще рано говорить о выделении в предложенном наборе феноменов некоего системообразующего признака. Изучаемое явление представляется настолько сложным, что желание выделить такой признак без тщательного изучения существующих внутри явления связей легко может привести к ошибке.

Выводы не лежат на поверхности, и как бы ни были велики и значимы конкретные открытия в различных аспектах этой обширной проблемы, как бы ни были перспективны для дальнейшего исследования выдвинутые смелые гипотезы, важнейшее значение исследований сущности менталитета лежит в области философии: в разработке общей концепции, которая в контексте научных знаний конца XX века не нуждается в гипотезе.

Библиографические ссылки::

1. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций)/Гершунский Б.С. – М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – 608 с.
2. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А.Я. Гуревич // Всеобщая история: дискуссия, новые подходы. Вып. 1. М., 1989., с.75-89.
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – М.: Изд-во «Индрик», 1993. – 328 с.
4. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология / А.Я. Гуревич – // Вопросы философии. 1988, № 1. с. 56-70.
5. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ / И.Г.Дубов // Вопросы психологии. 1993, № 5. с. 20-29.
6. Шкуратов В.А. Историческая психология. Уч. пос. изд. 2./ В.А. Шкуратов. – М., 1997. – 505 с.
7. Шкуратов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания / В.А. Шкуратов // Одиссей, 1991. – М.: Наука, 1991 (325).
8. Шенкао М.А. Основы философской танатологии / М.А. Шенка. – Черкесск: КЧТИ, 2002. – 252 с.

УДК 329.12 : 2 – 674 (4-15) «712»

Т. С. Литвин

СУЧАСНІ ЄВРОПЕЙСЬКІ МУЛЬТИКУЛЬТУРНІ ПРОЦЕСИ У СВІТЛІ ПРОБЛЕМИ ДЕФІНІЦІЇ СВОБОДИ

Розкрито специфіку сучасних мультикультурних процесів як складової частини парадигмального протистояння Традиції і модерну. Доведено взаємозв'язок європейського мультикультурного колапсу із проблемою співвідношення концептів негативної і позитивної свободи.

Ключові слова: мультикультуралізм, асиміляція, традиційне суспільство, модерн, лібералізм, негативна свобода, позитивна свобода.

Раскрыта специфика современных мультикультурных процессов как составной части парадигмального противостояния Традиции и модерна. Доказана взаимосвязь европейского мультикультурного коллапса с проблемой соотношения концептов негативной и позитивной свободы.

Ключевые слова: мультикультуралізм, асиміляція, традиційне суспільство, модерн, лібералізм, негативна свобода, позитивна свобода.

The article deals with the problems of multiculturalism in Europe. Multiculturalism as a confrontation of traditional and modern society. Multiculturalism and the problem of negative and positive liberty.

Keywords: multiculturalism, assimilation, traditional society, modernity, liberalism, negative liberty, positive liberty.

© Т. С. Литвин, 2012

Проблема мультикультурного колапсу в Європі, умовним початком якого можна вважати вихід у світ у серпні 2010 року скандальної книги Т.Саррацина «Німеччина самоліквідується», зберігає статус наболілої. У той час, як ліберальні консерватори заговорили про повернення до